

«ВСЕГДА Я РАД ЗАМЕТИТЬ РАЗНОСТЬ»: О «ВНУТРЕННИХ ЗЕРКАЛАХ» В «ЕВГЕНИИ ОНЕГИНЕ»¹

© Довгий Ольга Львовна (2021), ORCID: 0000-0002-3957-7857, SPIN-код: 1275-8614, доктор филологических наук, старший научный сотрудник, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1), olga-dovgy@yandex.ru

Статья представляет собой новую апробацию микрофилологического подхода к литературному тексту. Специфика этого интерпретационного метода – в установке на постоянное остранение, возникающее вследствие фиксации мельчайших сдвигов на микроуровнях текста; на максимально частый поворот исследовательского калейдоскопа. Чтение текстов сквозь призму системы «внутренних зеркал» – органическая часть представляемого в статье авторского метода. Под «внутренними зеркалами» мы понимаем повторы на разных текстовых уровнях. Это использование одних и тех же слов для обозначения разных, часто противоположных вещей и действий – по принципу диафоры. Каждое слово, употреблённое поэтом более одного раза, может быть рассмотрено как зеркало, в котором отражается какая-то грань романного мира. Чем большее число раз повторено слово, тем шире охват отражения. Но и одна пара повторов может быть очень важна. Определение «внутренние зеркала» выражает самую суть явления: внутренние – потому что их можно отследить на самых разных уровнях текста; зеркала – потому что самый принцип зеркала не повторение, а отражение с изменением (пусть и едва заметным). Это очень удобный способ «заметить разность». Фиксация и анализ внутренних зеркал различных текстовых уровней даёт возможность постоянной смены оптики, поскольку позволяет читать произведение, выбрав в качестве «ключа» любое слово, встретившееся более одного раза. «Онегин» даёт прекрасную возможность для иллюстрации этого метода интерпретации. Система повторов в романе может предоставить материал на целую книгу. В статье отмечены лишь некоторые внутренние зеркала романа на уровне лексики, грамматики, фонетики, рифмы.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, «Евгений Онегин», система «внутренних зеркал», микрофилологический подход к тексту.

¹ Статья написана по материалам доклада на Грехнёвских чтениях в Нижегородском университете в апреле 2021. Всеволод Алексеевич обладал чувством юмора, любил шутку и игру, много писал о пушкинской иронии. Поэтому и доклад, и статья получились в игровом тоне. В сущности, охота за внутренними зеркалами – это не что иное как филологическая игра.

Метафору зеркала сегодня не употребляет только ленивый...
(из разговора филологов).

Что такое «внутренние зеркала»?

Конечно, это не термин: слишком метафорично. Это просто рабочее определение, выручившее автора при написании докторской диссертации о сатирах Кантемира [Кулагина 2018, 115–125] и с тех пор применяемое часто.

Это ещё один возможный путь движения по пушкинскому роману, даже и не представляем, который по счёту.

Под «внутренними зеркалами» мы понимаем повторы на разных текстовых уровнях. Любой повтор – это сигнал для привлечения внимания.

Зеркало – это ли не способ «заметить разность»?

Определение «внутренние зеркала» выражает самую суть явления: внутренние – потому что их можно увидеть на самых глубинных уровнях текста; зеркала – потому что принцип зеркала не повторение, а отражение с изменением (пусть и едва заметным), с включением принципа диафоры, в результате чего возникают «лёгкие иронические тени» [Грехнёв 1985, 25].

Каждое повторенное слово может быть рассмотрено как зеркало, в котором отражается какая-то грань мира романа. Чем большее число раз повторено слово – тем больше таких отражённых областей. Но и один раз повторенное слово может открыть нечто до времени скрытое от глаз исследователей.

Внутренние зеркала – это система микроосей, пронизывающих весь роман и увеличивающих количество внутритекстовых связей практически до бесконечности.

В качестве путеводителя по «Онегину» можно выбрать любое более одного раза встретившееся слово и начать с него «раскручивать» роман. Собрать все эти зеркала – задача едва ли выполнимая, поскольку они имеют свойство умножаться на глазах.

В настоящей статье мы укажем на некоторые повторы разной частоты, наметим несколько микросюжетов, чтобы показать разнообразие этих зеркал.

Лексические зеркала.

Лень. «Онегин» как роман о лени².

Лень – верная спутница Онегина. Она «тоскующая», она тоже больна хандрой.

Что занимало целый день
Его *тоскующую*³ лень...

[Пушкин 1960а, 14].

В черновых вариантах Пушкин выбирал между ленью «тоскующей», «задумчивой» и «мечтательной» [Пушкин 1960, 221]. Вариант «тоскующая» оказался наиболее органичным. «Задумчивая» лень появится позднее (вытеснив «сумрачную» лень черновика):

Прямым Онегин Чильд Гарольдом
Вдался в *задумчивую* лень...

[Пушкин 1960, 374]

Душа Онегина постепенно делается «холодной и ленивой».

Татьяна живет вполне мирно со своей ленью. Возможно, потому она и «любила русскую зиму», что именно зимой во всей природе особый простор для лени (ведь и Онегин «вдался в задумчивую лень» именно зимой).

Зимой, когда ночная тень
Полмиром доле обладает,
И доле в праздной тишине,
При отуманенной луне,
Восток *ленивый* почивает...

[Пушкин 1960а, 48].

Упоминание востока, да еще «ленивого» невольно приводит на ум привычные представления о востоке, как об особом мире, где «жизнью правит лень...» [Пушкин 1960, 144].

² Лень в мире Пушкина – это очень большая тема. Здесь мы касаемся её едва-едва.

³ Все выделения курсивом в тексте пушкинского романа сделаны нами – О.Д.

И вот эту холеную лень (которая по своей избалованности может поспорить с онегинской) везут в Москву, чтобы:

Представить бабушкам и дедам
Ее *рассеянную* лень...

[Пушкин 1960а, 149].

Не Татьяну представить, а её лень!

Страсть Онегина к Татьяне – это страсть лени (впрочем, лень по определению вряд ли может испытывать страсть – скорее, тоска, болезненная тяга) тоскующей, больной, разочарованной к лени царственной, уверенной в себе.

И ответ Татьяны Онегину – это месть: месть за то, что когда-то Онегин «привычке милой не дал ходу» – иначе говоря, прислушался к совету своей «задумчивой лени»; а теперь «рассеянная лень» Татьяны, выпестованная и избалованная, берёт реванш.

Зеркало тени.

«Онегин» как игра теней.

В первой главе читатель увидит снаружи, как

Усеян площадками кругом,
Блестит великолепный дом...

Жизнь этого особняка предстаёт его глазам как волшебный театр теней:

По цельным окнам *тени* ходят,
Мелькают профили голов
И дам и модных чудаков...

[Пушкин 1960а, 21].

А в 8-й главе читатель окажется внутри этого дома и увидит жизнь теней (великосветской дамы Татьяны и «модного чудака» Онегина) уже вблизи.

Отношения Онегина с Татьяной тоже можно описать при помощи зеркала тени.

Во 2-й главе тень, уподобленная верной жене (а что может быть страшнее для онегинской лени и хандры?), бежит за Онегиным:

Хандра ждала его на страже,
И бегала за ним она,
Как тень иль верная жена...

[Пушкин 1960а, 32].

В 8-й главе сам Онегин превращается в преследующую тень (причём гонится он за потенциально верной женой, ранее им отвергнутой):

К ее крыльцу, стеклянным сеням
Он подъезжает каждый день;
За ней он гонится как тень...

[Пушкин 1960а, 167].

В 3-й главе Онегин, медля с ответом на письмо, заставляет Татьяну жить в режиме тени:

Но день протек, и нет ответа.
Другой настал: все нет как нет.
Бледна, как тень, с утра одета,
Татьяна ждет: когда ж ответ?

[Пушкин 1960а, 72].

...

Как тень она без цели бродит...

[Пушкин 1960а, 135].

Отметим попутно, что под воздействием рифмы сама собой выстраивается новая пара: «лень – тень». Режим тени гонит лень прочь. Услышав топот онегинского коня, всегда неспешная Татьяна ведет себя уже по-другому:

Вот ближе! скачут... и на двор
Евгений! «Ах!» – *и легче тени*
Татьяна прыг в другие сени...

[Пушкин 1960а, 73]

И вот они встречаются: тень против тени (лёгкая тень Татьяны против грозной тени Евгения)

Пошла, но только повернула
В аллею, прямо перед ней,

Блистая взорами, Евгений
Стоит подобно *грозной тени*,
И, как огнем обожжена,
Остановилась она...

[Пушкин 1960а, 73].

Кто победит? Чья тень? И чья лень? Хотя про лень мы уже ска-
зали выше.

А если вспомнить тень Ленского, «страдающую» и «окровав-
ленную», и всевозможные прочие тени, возникающие на протяже-
нии романа, можно составить очень стройный «теневой» маршрут
движения по роману.

Гастрономическая топика. Еда и напитки.

Жир

В «Отрывках из Путешествия Онегина» «обжорливая младость»
летит

Глотать из раковин морских
Затворниц *жирных* и живых...

[Пушкин 1960а, 191]

В черновиках 6-й главы и Автор вспоминает, как

От <жирных> устриц черноморских
От оперы от темных лож
И слава богу от вельмож
Уехал в тень лесов Т<ригорских>...

[Пушкин 1960а, 496]

Так жир устриц устанавливает, образно говоря, новые соответ-
ствия между Автором и Онегиным.

Потом жажда стремится бокалами

Залить горячий жир котлет...

[Пушкин 1960а, 17].

Деревенские «масленица жирная» и «жирный пирог» – достой-
ное отражение петербургским жирным устрицам и котлетам.

Пирог вчистую выигрывает у Татьяны в борьбе за внимание
гостей:

Конечно, не один Евгений
Смятенье Тани видеть мог;
Но целью взоров и суждений
В то время *жирный был пирог*
(К несчастью, пересоленный)...
[Пушкин 1960а, 107].

Татьяна дана через синекдоху (через своё смятение), ей уделена всего одна строчка, а пирог в именительном падеже царственно расположился на целых трёх строках. Причём деревенский пирог легко находит в петербургском контексте своё собственное зеркало:

И Страсбурга пирог нетленный...

– который на поверку вовсе и никакой не пирог [Лотман 1983, 143], зато в онегинском мире образует ещё одно, пусть и микроскопическое зеркало: сначала он гордо красуется в именительном падеже

Меж сыром лимбургским живым
И ананасом золотым
[Пушкин 1960а, 17],

а потом уходит в тень винительного падежа как нечто надоевшее и докучливое:

Затем, что не всегда же мог
Beef-steaks и страсбургский пирог
Шампанской обливать бутылкой...
[Пушкин 1960а, 25].

Вот вроде мелкий случай: полиптотон (смена падежа) меняет взгляд на заморский деликатес. И даёт новый (микрофилологический) ракурс для иллюстрации набившего оскомину тезиса, что Онегину быстро надоедает всё на свете. Так множатся внутренние зеркала романа.

Брусничная вода

Встречается дважды и тоже в полиптотонном уборе; только здесь порядок падежей иной. Сначала её в доме Лариных в кувшине

среди прочих «варений» «на столик ставят воцаной» в качестве угощения для Онегина (и во фразе, описывающей это действие, она упоминается в творительном падеже). А потом, когда приятели летят домой, эта вода достаивается именительного падежа и двух строк:

Боюсь: брусничная вода
Мне не наделала б вреда...
[Пушкин 1960а, 56].

Кто знает: не она ли спровоцировала Онегина на сравнение Ольги с глупой луной на глупом небосклоне?

Грибы

Здесь случай иной: перед нами повтор не лексический, но семантический. В Петербурге у Онегина свои, изысканные, грибы:

И трюфли, роскошь юных лет,
Французской кухни лучший цвет...
[Пушкин 1960а, 17].

А в деревне Ларина сама

Солила на зиму грибы...
[Пушкин 1960а, 50].

Вот и зеркало кухни – столичной и деревенской.

Вино

Здесь тот же случай, что с грибами: зеркало семантическое; зеркало игристого вина. В заевшемся Петербурге – всего много; там и «вино кометы» и «шампанская бутылка» даны как-то между делом, вскользь, в косвенных падежах, а в деревне – дело другое (ведь «ничем мы не блестим»). Там выход цимлянское обставлен очень торжественно – в целых трёх строках:

Да вот в бутылке засмоленной,
Между жарким и блан-манже,
Цимлянское несут уже...
[Пушкин 1960а, 107].

Кстати, вот и ещё одно, совсем микроскопическое зеркало: словечко «меж», знаменующее срединное положение описываемого предмета или персонажа. В сфере еды оно соединяет деревенское цимлянское со столичным «Страсбурга пирогом нетленным», помпезно подаваемым

Меж сыром лимбургским живым
И ананасом золотым...

[Пушкин 1960а, 17].

А в контексте всего романа эти «меж» и «между» образуют целый зеркальный коридор:

Пора меж волка и собаки...

Она меж делом и досугом...

Между двух теток у колонны,
Не замечаема никем...

Бестиарная сфера.

Мотылёк

Ольга – цветок, который может стать отрадой мотыльков и пчёл, но до времени скрыт:

В глазах родителей, она
Цвела как ландыш потаенный,
Незнаемый в траве глухой
Ни мотыльками, ни пчелой...

[Пушкин 1960а, 45].

А Ленский в черновиках уподоблен мотыльку, нашедшему свой цветок:

Он был любим... по крайней мере
Так думал он, и был счастлив.
Стократ блажен, кто предан вере,
Кто, хладный ум угомонив,
Покоится в сердечной неге,
Как пьяный путник на ночлеге,

Или, нежней, как *мотылек*,
В весенний впившийся цветок...
[Пушкин 1960а, 93]

Но – увы – Ленский обретает свой цветок лишь в мечтах, а на деле этот цветок (Ольга) этому мотыльку не достаётся.

А вот и Татьяна в зеркале мотылька:

Но ярче, ярче лишь горит...
Так *бедный мотылек* и блещет
И бьется радужным крылом,
Плененный школьным шалуном...
[Пушкин 1960а, 74]

Сестёр Лариных всегда противопоставляют. Вот и ещё один угол взгляда на них. Ольга в зеркале мотылька пассивна: она просто «не знаема мотыльками» (кстати, во множественном числе), а мотылёк активен, но удачлив только в мечтах.

А Татьяна – сама мотылёк. Правда, доставшийся школьному шалуну, но всё равно активный.

Вот и получается новый расклад в привычном дуэте сестёр. Принято считать, что Ольга активна: «резва, беспечна, весела», играет, прыгает, «легче ласточки влетает». А Татьяна охарактеризована через «не» («не брала, не хотела, не вела», «без ужимок, без затей», etc). А зеркало мотылька показывает совсем другие отражения. И помня поступки Татьяны (например, написание письма), нельзя сказать, что оно неверное.

А вот и ещё одно зеркало мотылька:
Как будто требовать возможно
От мотыльков иль от лилей
И чувств глубоких и страстей!
[Пушкин 1960а, 469].

Если поднести его к сёстрам Лариным?

Грамматические зеркала

Зеркало глаголов

Одна из главных пружин романа – антитеза темпов.

Выражается она оппозицией бестиарных глаголов: *скакать, лететь / ползти*.

Способностью летать в романе обладают «молодой повеса» (Онегин), «русская Терпсихора», Истомина, «пух от уст Эола», «наш герой» (вновь Онегин), «ножки милых дам», «пламенные взоры», «слава», «творенья» автора, Ленский с Онегиным, Татьяна, «листки альбома», «кибитка удалая», «дева на цыпочках», Ольга, «мы» (читатели романа), «стрела» (как RES и как VERBA), «метель», «он» (всё тот же Онегин), «кони», «листы», «осень», «путешественник залётный», «часы».

Полёты связаны со временем и творчеством (причём в разряд последнего попадут вроде бы такие разные виды искусства, как поэзия и балет), а также с транспортом и оружием. Среди людей главными летунами окажутся Онегин и Автор, причём оба обладают способностью передавать умение летать всем, кто с ними соприкасается (Онегин – Татьяне; Автор – читателям).

Скакать в романе могут «амуры, черти, змеи» (балетные персонажи), всё тот же Онегин (при помощи ямской кареты, почты, просто коня), Ленский (тоже при помощи коня).

Ползти может только ларинский «возок почтенный».

Победа – даже количественная – быстрых бестиарных глаголов не вызывает сомнения. Вот отсюда – не в последнюю очередь – и динамичность, быстрое движение воздуха в романе.

Зеркала числительных

Осьмнадцать

Оно даёт ещё один способ «заметить разность» Онегина и Ленского – показывая, каким каждый из них был в свои осьмнадцать лет.

Онегин уже был философом:

Все украшало кабинет
Философа *в осьмнадцать лет...*
[Пушкин 1960а, 20].

Ленский – унылым романтиком:

Он пел поблеклый жизни цвет
Без малого *в осьмнадцать лет....*
[Пушкин 1960а, 41].

Философ Онегин в этой цифре видит ключ к характеру друга:

...пускай поэт
Дурачится; *в осьмнадцать лет*
Оно простительно...

[Пушкин 1960а, 116].

И вдруг в зеркале этого числительного появляются совершенно неожиданные отражения:

Ведут на двор *осьмнадцать* кляч...

[Пушкин 1960а, 144].

Случайно ли? Вряд ли.

Зеркало ударения

на почтовЫх – на почтОвых

Ларина семь суток тащилась на этих самых осьмнадцати клячах. Зато «не на почтОвых, на своих». Мгновенно вспоминаешь «почтовЫх», на которых летит Онегин в первой строфе романа. А тут смена ударения – перенесение его на середину слова – соответствует замедлению скорости передвижения коней. К тому же эти «почтОвые» стоят рядом с глаголом «тащилась». Ну и что же, что есть отрицательная частица (НЕ на почтовых)? И что в следующей строке гордое уточнение «на своих»? Это ударение – доминирует в строке. И дискредитирует ни в чём не повинных коней, на которых Ларина не ехала. Вот и получается: на «почтовЫх» летят, на «почтОвых» тащатся. Даже если едут не на них.

Зеркало формулы

Учёный малый – добрый малый – честный малый.

В центре слово «малый» – неожиданно сводящее в одном зеркале Онегина, его дядю и двух секундантов:

Онегин был по мнению многих
(Судей решительных и строгих)
Ученый малый, но педант...

[Пушкин 1960а, 13].

Отец ее был *добрый малый*,
В прошедшем веке запоздалый...
[Пушкин 1960а, 14].

Хоть человек он неизвестный,
Но уж конечно *малый честный*....
[Пушкин 1960а, 122].

Пока вдали
Зарецкий наш и *честный малый*
Вступили в важный договор...
[Пушкин 1960а, 122]

«Малый честный» и инверсированный «*честный малый*» (курсив Пушкина – О.Д.), встретившись в одной строфе, создают ещё одно, своё собственное – весьма ироническое зеркало – для *monsieur Guillot* и Зарецкого. Так ли уж различны они?

Зеркало имени и его рифмы

Сколько раз Пушкин называет героя по имени и с чем рифмует?

Надеемся однажды подробно написать о портрете героя в зеркалах рифмы, а пока просто приведём рифменную цепочку:

Евгений – (истинный был) **гений** – (боясь) **осуждений** – (среди вседневных) **наслаждений** – (отступник бурных) **наслаждений** – (с душою полной) **сожалений** – (там друг невинных) **наслаждений** – (среди своих) **владений** – (господ соседственных) **селений** – (правил нет без) **исключений** – (поэт в жару своих) **суждений** – (в ней сердце полное) **мучений** – (стоит подобно) **грозной тени** – (был жертвой бурных) **заблуждений** – (едва дыша, Татьяна слушала) **без возражений** – (взорам явилась дева) адских **привидений** – **страшно тени** (сгустились) – (траги-нервических) **явлений** – (целью взоров и) **суждений** (про пирог) – (любил и дух его) **суждений** (о Зарецком) – (Зарецкий встал) **без объяснений** – (не мячиком) **предрассуждений** – (заспорят) **о могильной сени** – (уже редуют) **ночи тени** – (я не предвижу) **возражений** – **четыре смертные ступени** – (в тоске сердечных) **угрызений** – (несколько он из опалы исключил) **творений** – (как ряд докучных) **привидений** – (как из глуши степных) **селений** – (в тоске любовных) **помышлений** – (в тоске безумных) **сожалений** (к её ногам упал) – (в какую бурю) **ощущений**.

Черновики добавляют в этот ряд следующие зеркала: (управлять) **кормилом мнений** – (дань вечерних) **размышлений** – (но всё ж своих) **обыкновений** – (и взор смешенных) **поколений** – (мелькают мельком) **будто тени**.

Такого портрета Онегина, кажется, пока не было.

Подобный эксперимент можно провести и с рифмами к имени Татьяны. Здесь особенно интересны будут две рифмы со стаканом.

И параллельно можно заметить: фамилия «Онегин» не выносится в рифму, а у Ленского – только фамилия и выносится. Вот и ещё одно различие. На микроуровне.

Пора подвести итоги.

Как видим, смотреть на игру зеркал можно продолжать до бесконечности – и можно оборвать в любой момент, расстаться с ней, как Пушкин с Онегиным.

Каждое «зеркало» – это остранение, это видение, а не узнавание, по Шкловскому.

Зачем они нужны? Что с ними делать? Что пользы в них?

На такой вопрос хочется ответить Пушкинским же словом:

Тебе бы пользы всё...

Можно собирать, фиксировать и сделать энциклопедию внутренних зеркал «Онегина».

Можно просто «гулять» по роману, доверяясь каждый раз новому зеркалу (чем мельче, тем лучше), меняя путеводную нить и маршрут, и радоваться неисчерпаемости пушкинского текста. И при этом считать, что идёт проверка микрофилологического подхода к тексту. А она здесь действительно идёт, потому что в процессе таких прогулок «вспыхивают новые образные связи, возникают мостки ассоциаций, углубляющие видение события и характеров» [Грехнёв 1979, 100].

Источники

Пушкин 1960 – Пушкин А.С. *Собрание сочинений в десяти томах. Том третий. Поэмы. Сказки.* М., 1960.

Пушкин 1960а – Пушкин А.С. *Собрание сочинений в десяти томах. Том четвертый. Евгений Онегин. Драматические произведения.* М., 1960.

Литература

Грехнев 1979 – Грехнев В.А. *Диалог с читателем в романе Пушкина «Евгений Онегин»* // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 9. Л., 1979. 100–109.

Грехнев 1985 – Грехнёв В.А. *Лирика Пушкина: О поэтике жанров*. Горький, 1985.

Кулагина 2018 – Кулагина О.Л. *Сатиры А.Д. Кантемира: Поэтика, контексты, интертексты*: Дисс. доктора филол. наук. М., 2018.

Лотман 1995 – Лотман Ю.М. *Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»*: Комментарий. Пособие для учителя. Л., 1983.

Львова 2019 – Львова Алиса. *К бестиарию «Онегина»: Кони – лошади – лядчи* // Бестиарий антитез (ResetVerba-7). Тула, 2019. С. 109–117.

«I AM ALWAYS GLAD TO NOTICE THE DIFFERENCE»: INTERIOR MIRRORS IN «EUGENE ONEGIN»

© **Dovgy Olga Lvovna** (2021), ORCID: 0000-0002-3957-7857, SPIN-code: 1275-8614, D.Sc. in Philology, senior research fellow, Lomonosov Moscow State University (1 Leninskie Gory, Moscow, GSP-1, 119991, Russia), olga-dovgy@yandex.ru

The paper presents a new testing of the microphilological approach to the literary text. The particularity of this interpretive method is in the constant striving for defamiliarisation arising from the fixation of the smallest shifts at the microlevels of the text; the most frequent rotation of the research kaleidoscope. Reading texts through the prism of the system of "interior mirrors" is an organic part of the author's method presented in the article. By "interior mirrors" we mean repetitions at different levels of text. This is the use of the same words to denote different, often opposite things and actions, according to the principle of diaphora. Each word used by the poet more than once can be viewed as a mirror reflecting some facet of the novel world. The more times a word is repeated, the wider the coverage of the reflection is. But a single pair of repetitions can also be very important. The definition of "interior mirrors" expresses the very essence of the phenomenon: interior - because they can be traced at various levels of the text; mirrors - because the very principle of a mirror is not a repetition, but a reflection with a change (albeit barely noticeable). This is a very convenient way to "notice the difference". The fixation and analysis of interior mirrors of various text levels makes it possible to constantly change the optics, since it allows you to read a work by choosing as a "key" any word that occurs more than once. «Onegin» provides an excellent opportunity to illustrate this method of interpretation. Reduplication system of the novel can provide material for a book. The arti-

cle highlights only some of the interior mirrors of the novel at the level of vocabulary, grammar, phonetics, rhyme.

Keywords: A. Pushkin, «Eugene Onegin», «interior mirrors» system, microphilological approach to literary text.

References

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

Грехнев 1979 – Grehnev V.A. *Dialog s chitatelem v romane Pushkina «Evgenij Onegin»* [Dialogue with the reader in Pushkin's novel "Eugene Onegin"]. Pushkin: Issledovaniya i materialy [Pushkin: Research and Materials], Leningrad, 1979, vol. 9, pp. 100–109. (In Russian).

Львова 2019 – L'vova Alisa. *K bestiariyu «Onegina»: Koni – loshadi – klyachi* [To the bestiary of «Onegin»: Coursers – Horses – Nags]. Bestiarij antitez (Res et Verba-7), Tula, 2019, pp. 109–117. (In Russian).

(Monographs)

Грехнев 1985 – Grekhnyov V.A. *Lirika Pushkina: O poe`tike zhanrov* [Lyrics of Pushkin: On the poetics of genres]. Gor`kij, 1985. (In Russian).

Лотман 1995 – Lotman Y.M. *Roman A.S. Pushkina «Evgenij Onegin»: Kommentarij: Posobie dlya uchitelya* [Roman A.S. Pushkin "Eugene Onegin": Commentary: A manual for the teacher]. Leningrad, 1983. (In Russian).

(Thesis and Thesis Abstracts)

Кулагина 2018 – Kulagina O.L. *Satiry` A.D. Kantemira: Poe`tika, konteksty`, interteksty`* [Satyrs A.D. Kantemira: Poetics, Contexts, Intertexts]: Diss. doktora filol. nauk. Moscow, 2018. (In Russian).

Поступила в редакцию 25.08.2021